

Научная статья
УДК 343.7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>

Посягательство на жизнь мнимой беременной женщины

Ситникова Александра Ивановна

Юго-Западный государственный университет, Орел, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть доктринальные взгляды на квалификацию посягательства, причинившего смерть мнимой беременной женщине, и внести предложение по разрешению данной проблемы. В качестве методологической основы данного исследования использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания.

В ходе изучения данного проблемного вопроса установлено, что более предпочтителен вариант квалификации убийства мнимой беременной женщины при ошибке в ее физиологических свойствах, предложенный представителями объективного подхода, и подтвержденный материалами судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Подвергнута критике квалификация убийства мнимой беременной женщины в виде покушения на жизнь заведомо беременной женщины, а также в качестве совокупности преступлений по различным основаниям, высказанным в данной статье. Показано, что вариант квалификации мнимой беременной женщины в виде совокупности преступлений, разработанный представителями объективно-субъективного направления, вызывает ряд неразрешимых проблем. По результатам работы автор приходит к выводу, что для осуществления адекватной уголовно-правовой оценки действий виновного, посягнувшего на жизнь женщины при наличии субъективной ошибки в ее физиологических свойствах, необходимо, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение по поводу квалификации убийства по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Ключевые слова: мнимой беременная женщина, доктринальные подходы к квалификации, отличие окончательного и неоконченного посягательства на жизнь мнимой беременной женщины

Для цитирования: Ситникова А. И. Посягательство на жизнь мнимой беременной женщины // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 104—108. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>.

Original article

Encroachment on the life of an allegedly pregnant woman

Alexandra I. Sitnikova

Southwest State University, Orel, Russian Federation, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. In article is attempted to consider the doctrinal views on the qualification of an assault that caused the death of an allegedly pregnant woman and to make a proposal to resolve this problem. The dialectical method in combination with instrumental methods of cognition is used as the methodological basis of this study.

Studying this problem, it is established that the variant of the qualification of the murder of an allegedly pregnant woman with an error in her physiological properties, proposed by representatives of the objective approach, and confirmed by the materials of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation is more preferable. The qualification of the murder of an allegedly pregnant woman in the form of an attempt on the life of an obviously pregnant woman, as well as a set of crimes on various grounds specified in this article is criticized. It is shown that the variant of the qualification of an allegedly pregnant woman in the form of a set of crimes developed by representatives of the objectively-subjective direction, causes a number of unsolvable problems.

Thus, in order to carry out an adequate criminal legal assessment of the actions of the perpetrator who encroached on the life of a woman in the presence of a subjective error in her physiological properties, it

© Ситникова А. И., 2022

is necessary that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation give an explanation about the qualification of murder according to paragraph “g” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code.

Keywords: an imaginary pregnant woman, doctrinal approaches to qualification, the difference between completed and unfinished encroachment on the life of an imaginary pregnant woman

For citation: Sitnikova A. I. Encroachment on the life of an allegedly pregnant woman. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 104—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>.

Законодатель вполне оправданно признал жизнь беременной женщины более ценным объектом, чем жизнь небеременной женщины, и в этой связи предусмотрел квалифицированный вид убийства, который сформулирован в пункте «г» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Квалификация действий виновного в виде оконченных составов по данному пункту не вызывает затруднений в двух случаях: во-первых, субъект, достоверно зная о наличии беременности у женщины, убивает ее; во-вторых, субъект, желая лишить жизни знакомую беременную женщину, совершает посягательство на жизнь другой беременной женщины в силу фактической ошибки в личности потерпевшей. Присутствие этой двойственной ситуации не вызывает затруднений у правоприменителя и при квалификации действий виновного, частично реализовавшего умысел на убийство беременной женщины при наличии или отсутствии ошибки в ее личности. Уголовно-правовая оценка действий посягающего осуществляется по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ как покушение на жизнь беременной женщины.

Длительная научная полемика, трудности правоприменительной практики при оценке действий лица, посягнувшего на жизнь женщины с учетом ошибки в ее физиологических свойствах, обусловили неразрешенность данной проблемы при уголовно-правовой оценке действий субъекта. При этом возможно наличие двух видов ошибок, связанных с физиологическими свойствами потерпевшей: 1) умысел у виновного возник на убийство беременной женщины, а в действительности он лишил жизни небеременную (мнимой беременную) женщину (термин «мнимой беременная женщина» введен в научный оборот в 2007 г. и утвердился в литературе [1, с. 20—31], 2) виновный имел намерение посягнуть на жизнь женщины, не находящейся в состоянии беременности, а фактически лишил жизни беременную женщину.

Проблемы квалификации посягательства на жизнь мнимой беременной женщины. По данному вопросу в доктрине уголовного права велась и ведется многолетняя дискуссия, в ходе

которой сформировались три научных подхода: объективный, субъективно-объективный и субъективный.

Сторонники объективного подхода (Л. А. Андреева и ее последователи) предлагают квалифицировать действия виновного, причинившего смерть потерпевшей и заблуждавшегося в отношении ее беременности, как оконченное убийство без отягчающих признаков по части 1 статьи 105 УК РФ [2, с. 15]. Свою позицию указанный автор аргументирует необходимостью толкования в пользу субъекта преступления его неосведомленности относительно реальных физиологических свойств потерпевшей. Данный подход к квалификации содеянного отражен в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2004 года № 361п04пр.

В ходе рассмотрения материалов уголовного дела судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации установила, что знакомая виновного К. сообщила ему, что она беременна и потребовала деньги, угрожая в противном случае заявить о том, что К. якобы ее изнасиловал. К. воспринял сообщение потерпевшей о беременности как состоявшийся факт и совершил убийство.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что потерпевшая в состоянии беременности не находилась. Президиум Верховного Суда Российской Федерации квалифицировал действия К. по части 1 статьи 105 УК РФ и исключил часть 3 статьи 30 и пункт «г» части 2 статьи 105 УК РФ, обосновав тем, что умысел К. на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и квалификация его действия в качестве покушения на убийство беременной женщины является излишней [3].

Представители условно субъективного подхода (А. В. Наумов, А. Н. Попов, А. И. Коробеев, С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, И. Я. Козаченко и другие ученые-криминалисты) главенствующим при квалификации признают субъективный признак, закрепленный в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ, заведомое знание о наличии беременности у потерпевшей. В рамках этого подхода сформулированы два варианта

квалификации посягательства на жизнь мнимой беременной женщины: содеянное квалифицируется как покушение на убийство с отягчающими признаками по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ либо как оконченное квалифицированное убийство беременной женщины по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Сторонники квалификации действий виновного при посягательстве на жизнь мнимой беременной женщины как покушения на жизнь беременной женщины в первую очередь учитывают содержание и направленность умысла, что соответствует принципу субъективного вменения [4, с. 344—345; 5, с. 217—218; 6, с. 465]. Эту позицию полностью поддерживает А. И. Рарог, который фактически допускает наличие юридической фикции при квалификации преступлений с ошибочным предположением о существовании квалифицирующего признака [7, с. 183]. На наш взгляд, такой подход создает квалификационную фикцию. Приверженцы этого взгляда на квалификацию мнимой беременной обосновывают признание в действиях субъекта покушения наличием обстоятельства, не зависящего от посягающего. Таким обстоятельством они признают ошибку в физиологических свойствах потерпевшей.

Однако аксиоматичными в легальной формуле покушения являются: 1) прерванность преступных действий; 2) наличие не зависящих от лица обстоятельств, в силу которых преступление не доводится до конца; 3) обязательность осознания виновным возможности доведения преступления до конца; 4) при покушении имеет место сохранность жизни потерпевшей при различной степени тяжести вреда ее здоровью.

При совершении посягательства на жизнь мнимой беременной женщины отсутствуют такие объективные признаки, как прерванность преступных действий и воздействие на неполную завершенность посягательства не зависящих от лица обстоятельств. Кроме того, виновное лицо осознает возможность доведения преступления до конца и причиняет смерть потерпевшей.

Полагаем, признание обстоятельством не доведения посягательства до конца выступает субъективная ошибка в физиологических свойствах потерпевшей, которая не является внешним обстоятельством и как таковая не может быть признаком покушения в случае убийства мнимой беременной женщины.

Вариант квалификации убийства потерпевшей как покушения на преступление с отягчающим признаком не учитывает реально наступившего последствия в виде смерти мнимой беременной женщины.

В судебной практике могут иметь место случаи реального покушения на жизнь мнимой беременной женщины. При этом умысел виновного не будет реализован до конца не в связи с субъективной ошибкой в физиологических свойствах потерпевшей, а по не зависящим от посягающего внешним обстоятельствам, например, в случае оказания успешного сопротивления женщиной либо вмешательства третьих лиц или своевременного оказания медицинской помощи потерпевшей. Таким образом, следуя подходу субъективистов, квалификация посягательства на жизнь мнимой беременной женщины будет неразрешенной, поскольку фактическое покушение на жизнь женщины, ошибочно принятой за беременную, придется квалифицировать как «покушение на покушение», сочетающее в себе реальное и фиктивное покушения.

Считаем, фактически наступившее последствие в виде смерти небеременной женщины отражает большую степень общественной опасности посягательства, чем наличие умысла на убийство беременной. Умысел в силу субъективных причин изменчив, может трансформироваться или осуществляется частично, а последствие в виде смерти в случае убийства мнимой беременной женщины всегда реально имеет место.

Кроме того, вызывает интерес соотношение максимальных санкций в виде лишения свободы за убийство по ч.1 ст.105 УК РФ и покушения на жизнь по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ. Максимальное наказание по части 1 статьи 105 УК РФ — 15 лет лишения свободы, а за покушение на жизнь мнимой беременной женщины максимальное лишение свободы не должно превышать 14 лет. Исходя из этого, возникает вопрос: стоит ли квалифицировать посягательство на жизнь мнимой беременной женщины как покушение, если максимальный срок лишения свободы за неоконченное преступление и максимальный срок лишения свободы за оконченное «простое» убийство практически равны?

Ученые (С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, В. И. Шиян, В. Г. Гриб), будучи приверженцами квалификации посягательства на жизнь мнимой беременной женщины в виде оконченного квалифицированного состава, считают объективный подход к квалификации содеянного при субъективной ошибке более адекватным, поскольку он учитывает реальный факт в виде смерти потерпевшей, а не субъективную ошибку виновного лица. Последователи этого варианта квалификации полагают, что субъект может действовать и с косвенным умыслом, то есть

безразлично относиться к состоянию беременности. Следует согласиться с мнением С. В. Бородина, согласно которому заведомость знания о биологическом состоянии потерпевшей имеет отношение не к действительности, а лишь к ничем не подтвержденному заявлению женщины о состоянии беременности [8, с. 135].

Поддерживая наличие косвенного умысла у субъекта, совершившего причинение смерти мнимой беременной женщины, отметим, что субъект не только желает причинения смерти женщине при наличии ошибки в ее биологических свойствах, но и сознательно допускает данное состояние в силу того, что беременность является презюмируемым состоянием женщины в возрасте деторождения. В этой связи сторонники варианта квалификации в виде оконченного убийства с косвенным умыслом исключают возможность квалификации в виде покушения на жизнь небеременной женщины по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Представители объективно-субъективного варианта квалификации причинения смерти женщине, ошибочно принятой за беременную (Э. Ф. Побегайло, Н. К. Семернева, М. В. Архипова), полагают, что более точной является признание в действиях посягнувшего лица совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 105, частью 3 статьи 30 и пунктом «г» части 2 статьи 105 УК РФ. Эта группа ученых делает попытку объединить заведомость наличия беременности у потерпевшей и причинение ей смерти.

Из предложенной квалификационной записи следует, что посягательство совершено на двух женщин, в результате чего одной причинена смерть, а на другую совершено покушение. В действительности потерпевшей является одна женщина, а виновный привлекается к уголовной ответственности за двойное преступление, что противоречит принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК).

Отметим, что предложенный сторонниками объективно-субъективного подхода вариант квалификации не позволяет дать точную уголовно-правовую оценку действиям виновного, совершившего покушение на жизнь мнимой беременной женщины, поскольку в данном случае имеет место нонсенс: «квазипокушение на совокупность преступлений».

В заключение отметим, что в доктрине уголовного права существуют различные взгляды относительно уголовно-правовой оценки действий виновного, причинившего смерть женщине при наличии ошибки в ее физиологических

свойствах. В правоприменительной практике имеют место противоречивые варианты квалификации действий субъекта, посягнувшего на жизнь мнимой беременной женщины, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» от 27 января 1999 года обошел вниманием единственный квалифицированный состав убийства, сформулированный в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ — «Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности».

На наш взгляд, для решения насущной проблемы квалификации убийства, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 105 УК РФ, необходимо, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел данный вопрос и восполнил пробел, имеющий место в постановлении, а также дал разъяснения нижестоящим судам по квалификации оконченных и неоконченных видов убийства женщины при наличии фактической ошибки в ее личности и физиологических свойствах. Нам представляется необходимым из пункта «г» части 2 статьи 105 УК РФ исключить субъективный признак заведомого знания о наличии беременности у потерпевшей, которой причинена смерть. Переформулировка квалифицирующего признака позволит устранить непреодолимое препятствие при уголовно-правовой оценке действий виновного, совершившего посягательство на жизнь женщины при наличии субъективной ошибки в личности потерпевшей и ее физиологическом состоянии. Достаточно того, что признак заведомости содержится в пункте «з» части 1 статьи 63 УК РФ и может быть учтен при назначении наказания как отягчающее обстоятельство. Учет указанного обстоятельства, отягчающего наказание при посягательстве на жизнь заведомо беременной женщины, дает возможность применить принцип субъективного вменения и адекватно оценить действия виновного, причинившего смерть беременной женщине.

На наш взгляд, предложенное изменение в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ позволит внести необходимые дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года и разрешить проблему квалификации действий субъекта, посягнувшего на жизнь женщины при наличии ошибки в ее физиологических свойствах:

1) при посягательстве на жизнь мнимой беременной женщины действия виновного подлежат квалификации по части 1 статьи 105 УК РФ;

2) при посягательстве на жизнь небеременной женщины, фактически находившейся в состоянии беременности, содеянное следует квалифицировать по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Предложенные варианты квалификации с учетом содержания пункта «з» части 1 статьи 63 УК РФ дают возможность оценить действия виновного лица в соответствии с принципом субъективного вменения, а также отразить реальные последствия и тем самым обеспечить квалификацию посягательства при наличии не только прямого, но и косвенного умысла в случае ошибки в физиологических свойствах потерпевшей.

Список источников

1. Ситникова А. И. Оконченное и неоконченное посягательство на жизнь мнимой беременной женщины // Российский следователь. 2007. № 14. С. 29—31.
2. Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. 56 с.
3. URL: <https://base.garant.ru/135848/#friends> (дата обращения: 07.12.2021)
4. Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 898 с.
5. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс-Клувер, 2005. 1024 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 1536 с.

7. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 304 с.

8. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.

References

1. Sitnikova A. I. Completed and unfinished encroachment on the life of an imaginary pregnant woman. *Russian investigator*, 2007, no. 14, pp. 29—31. (In Russ.)
2. Andreeva L. A. Qualification of murders committed under aggravating circumstances. St. Petersburg, 1998. 56 p. (In Russ.)
3. URL: <https://base.garant.ru/135848/#friends> (accessed 07.12.2021). (In Russ.)
4. Popov A. N. Murder under aggravating circumstances. St. Petersburg: Legal center press Publ., 2003. 898 p. (In Russ.)
5. Naumov A. V. The practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: a commentary on judicial practice and doctrinal interpretation. Moscow: Volters-Kluver Publ., 2005. 1024 p. (In Russ.)
6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by A. I. Chuchavaeva. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 1536 p. (In Russ.)
7. Rarog A. I. Qualification of crimes on subjective grounds. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2002. 304 p. (In Russ.)
8. Borodin S. V. Crimes against life. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2003. 467 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Ситникова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. I. Sitnikova — Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.